

*Посвящаю эту книгу моей маме  
Тамаре Михайловне Бондаренко  
(в замужестве Сычевой)*

---

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Лето 696 года от основания Рима или 58 года до нашей эры выдалось довольно жарким. Яркое италийское солнце щедро поливало своими лучами городок Венузию на границе Апулии и Лукании вместе с окрестными поселениями. Невзирая на июньскую жару, стайка деревенских мальчишек резвилась на поле неподалеку от леса близ горы Вольтур. И хотя их родители строго-настрого запретили им заходить в лес, в этот раз они, очевидно, забыли об этом, поскольку через некоторое время всей гурьбой кинулись к ближайшей опушке. Веселые крики детворы, играющей в догонялки, наполнили лес, отдаваясь в кронах столетних дубов.

Мальчишки так заигрались, что не заметили, как шестилетний Квинт отстал от них, заглядевшись на бабочек, вьющихся над цветущим кустом. Когда ему надоело наблюдать за насекомыми, он беззаботно побрел дальше, вглубь леса, с любопытством прислушиваясь к пению незнакомых птиц, к шуму ветра в листве деревьев и стрекоту цикад. Солнце своими лучами уже достаточно накалило воздух, так что волны летнего зноя наполнили весь лес. Квинт всё брел и брел по чаще леса, пока усталость и зной не сморили его. Недолго думая, он остановился на показавшейся ему достаточно симпатичной полянке, прилег на мягкую травку и беззаботно уснул под ветвями лавровых деревьев, растущих вокруг.

Опомнившись от веселья и заметив пропажу самого младшего из них, мальчишки долго бегали по лесу и звали Квинта, но он так и не откликнулся на их крики. Не найдя товарища, они в страхе вернулись в деревню. Посоветовавшись и понимая, что наказание неизбежно, мальчишки всей гурьбой двинулись к воротам имения, которое при-

надлежало отцу Квинта. Раб-привратник встретил их не приветливо, поскольку знал, что эти сорванцы прежде частенько совершали налеты на хозяйский фруктовый сад. Оробевшие мальчишки поведали ему, от волнения перебивая друг друга, как играли с Квинтом в лесу близ горы Вольтур и случайно потеряли его.

Привратник немедленно кинулся к отцу Квинта, и тот тут же велел ему собирать народ на поиски сына. Затем хозяин имения сам вышел к мальчишкам и, еще раз выслушав их сбивчивые оправдания, приказал двум самым старшим ребятам проводить его в лес, чтобы показать место, где они потеряли его сына, а остальных отправил по домам.

Искать потерявшегося мальчика вызвались многие жители окрестных поселений, поскольку они хорошо знали и уважали отца маленького Квинта. Солнце тем временем уже близилось к западу, и на землю стали ложиться длинные предзакатные тени. Крестьяне под руководством самых опытных охотников, хорошо знавших окрестные леса, двинулись по направлению к горе Вольтур. С собой они взяли факелы и несколько собак, которым предварительно дали понюхать тунику Квинта. Однако псы мало чем могли помочь, так как дневная жара почти не оставила им шанса найти мальчика по запаху. Подойдя к лесу, люди разбились на небольшие группы и, освещая себе дорогу факелами, принялись прочесывать чащу.

Солнце тем временем зашло. Лес окутала непроглядная тьма, которую то тут, то там прорывали всполохи факелов, которыми крестьяне освещали себе путь, продираясь сквозь заросли в поисках мальчика. Воздух наполняли их громкие крики — люди звали Квинта, но лес отвечал им молчанием. Впереди бежали собаки, которые своим лаем распугивали устроившихся было на ночь птиц, отчего те с шумом взмывали над кустами и кронами деревьев. Два товарища Квинта и его отец шли вместе, освещая факелами дорогу. Рядом с ними трусил Аргус — любимый пес Квинта, но он никак не мог взять след мальчика.

Шло время. Люди уже совсем отчаялись найти ребенка. Многие, израсходовав запас факелов, стали возвращаться обратно в свои поселения. Но отец Квинта, отправив товарищей сына с провожатыми домой, продолжал свой путь вместе с верным Аргусом. Они углубились уже довольно далеко в лес и, наконец, пройдя еще милю, подошли почти к самому Вольтуру. Вершина горы была скрыта от глаз густыми облаками, а у подножья стелился белый туман, отчет-

го в темноте Вольтур походил на огромного седого и боро­датого великана, присевшего отдохнуть. Внезапно собака остановилась, нервно потянула воздух ноздрями и быстро кинулась вперед.

Отец Квинта нагнал пса на поляне, где тот с радостным лаем прыгал вокруг кучи свежей лавровой ли­ст­вы, над которой кружили потревоженные собакой дикие голуби. Разбросав ли­ст­ья, мужчина обнаружил Квинта, который сп­ро­сонья тарасился удивленными глазами на отца. Он нежно обнял ребенка, а тот, осознав, где находится, громко рас­плакался. Поиски были окончены.

Местные жители долго потом рассказывали об этом случае и уверяли, что мальчику невероятно повезло оста­ться невредимым, ведь леса близ Вольтура кише­ли ядовиты­ми змеями и свирепыми медведями. Не иначе Квинта ох­раняли боги, пославшие диких голубей, чтобы те укрыли его свежей ли­ст­вой священного лавра и защитили от диких зверей, уверяли крестьяне.

Отец Квинта был очень рад чудесному спасению един­ственного сына и принес благодарственную жертву богам. Однако, опасаясь за дальнейшую судьбу непоседливого маль­чика, он решил пригласить в имение известную на всю округу пожилую сабинянку, занимавшуюся врачеванием и гада­нием. Ему не терпелось узнать, какая судьба ждет его сына и чего мальчику следует остерегаться в жизни.

Сабинянка пришла через несколько дней. Проведенная привратником к господскому дому, она уселась на скамью, стоящую неподалеку от входа, и без лишних слов достала из котомки деревянные жребии и особый глиняный сосуд­ур­ну. Бросив жребии в урну, она несколько раз энергично встряхнула ее, перемешав их, и поманила рукой маленького Квинта, который прятался за углом дома, испуганно по­глядывая оттуда на старуху. Отец призвал мальчика не бояться и подойти с ней. Когда Квинт приблизился, сабинянка велела ему достать из урны понравившийся жребий, что он и сделал. Посмотрев на выбранную мальчиком судьбу, саби­нянка некоторое время сидела в полном молчании, а затем, наконец, изрекла: «Этот ребенок не умрет ни от яда, ни от стали врага, ни от боли в боку, ни от кашля, ни от подаг­ры: болтун его сгубит, болтун изничтожит. Пусть же, коль жизнь дорога, он всегда болтунов бережется!»<sup>1</sup> Затем, полу­чив щедрую плату из рук изумленного отца маль­чика, она с достоинством поклонилась и отправилась вос­вояси.

Пройдут годы, и этот мальчик, получивший столь стран-

ное предсказание, подрастет и станет известнейшим римским поэтом. Его внимания и дружбы будут добиваться не только самые известные аристократы Рима, но и император Август. Со временем его произведения распространятся по всему миру, будут переведены на множество языков и станут известны каждому школьнику. Наравне с Гомером и Вергилием, его имя будет золотыми буквами вписано в историю всемирной литературы. Имя его — Квинт Гораций Флакк.

---

---

*Глава первая*  
**ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ**

Гораций родился в шестой день до декабрьских ид, в консульство Луция Аврелия Котты и Луция Манлия Торквата, то есть 8 декабря 65 года до н. э. Местом его рождения стала Венузия (современная Веноза) — римская колония, возникшая в 291 году до н. э. на границе Апулии и Лукании, близ бурной реки Ауфид (ныне Офанто) и у подножия горы Вольтур (ныне Вольгоре)<sup>1</sup>. В глубокой древности на месте Венузии существовал греческий полис, основанный мифическим царем Диомедом<sup>2</sup> (или царем Давном), а затем — мощная крепость самнитов, захваченная римлянами во время Третьей самнитской войны (298—290). По свидетельству Горация, римская колония была основана здесь не случайно:

...я, кто бы ни был, луканец ли иль апулиец,  
Ибо у тех и других венузиец пахал свою землю,  
Присланный некогда, если преданию старому верить,  
Снова тот край заселить, по изгнание тут живших самнитов,  
С тем, чтоб на случай войны, с апулийцем или с луканцем,  
Не был врагу путь до Рима открыт через земли пустые<sup>3</sup>.

В период Второй Пунической войны (218—201) колония Венузия серьезно пострадала и потеряла так много жителей, что римлянам даже пришлось принять меры для пополнения ее населения<sup>4</sup>. В 90 году до н. э. венузийцы посмели встать на сторону италийцев, восставших против Рима (Союзническая война, 91—88), в силу чего римлянам пришлось штурмовать город, а часть его населения обратить в рабство<sup>5</sup>. Впоследствии, как полагают ученые, по приказу римского диктатора Луция Корнелия Суллы (138—78) в Венузию была выведена военная колония сулланских ветеранов<sup>6</sup>.

Отец Горация был вольноотпущенником, то есть бывшим рабом, отпущенным на волю. Ему удалось накопить денег и приобрести небольшое имение («Беден он был и владел небольшим и неприбыльным полем»)<sup>7</sup>. По словам Гая Светония Транквилла, «Квинт Гораций Флакк из Венузии был сыном вольноотпущенника, собиравшего деньги на аукционах, как сообщает сам Гораций; впрочем, многие считают его торговцем соленой рыбою, и кто-то даже попрекал Горация в перебранке: “Сколько раз видел я, как твой отец рукавом нос утирал!” (то есть обманывал покупателей. — М. Б.)»<sup>8</sup>.

Есть мнение, что отец поэта по своему происхождению являлся греком, поскольку представители этого народа давным-давно обосновались в окрестностях Венузии. Считается также, что он был не частным, а общественным рабом, то есть принадлежал городской общине Венузии, и имя свое получил от Горациевой трибы (*tribus Horatia*), к которой были приписаны венузийцы. Следовательно, отец Горация был отпущен на свободу от имени Венузии — вероятно, за какие-то услуги, оказанные им городу. Поработен же он был, возможно, в период Союзнической войны. Поскольку Гораций родился уже после того, как его отец получил свободу, он считался человеком, появившимся на свет от свободных родителей, то есть свободнорожденным (*ingenuus*)<sup>9</sup>, притом сыном римского гражданина.

О матери поэта не сохранилось никаких сведений. Вероятно, он потерял ее в очень раннем возрасте; может быть, она умерла при родах. Братьев и сестер у Горация, очевидно, не было — его имя Квинт, означавшее «пятый», давалось когда-то пятому сыну в семье, но потом стало употребляться более широко. Это было личное имя (*praenomen*), а свое родовое имя (*nomen gentile*) Гораций получил через отца от Горациевой трибы, названной так в честь древнего рода римских патрициев. Что касается прозвища (*cognomen*) Флакк, то оно в переводе с латинского означает «вялый» или «вислоухий». В знатном роду Горациев оно не встречалось, но зато его носили представители многих других аристократических семейств, например, Фульвии, Валерии и Корнелии. К последним, например, принадлежал уже упоминавшийся выше диктатор Луций Корнелий Сулла.

У римлян при рождении ребенка не было принято пользоваться услугами врачей — считалось, что повитуха в этом деле намного искуснее. Именно она внимательно осматривала новорожденного на предмет физических изъянов и

определяла, стоит ли его вскармливать. Затем, по римскому обычаю, младенца клали у ног отца, который символически поднимал ребенка с земли и тем самым признавал его своим и как бы принимал в семью. На девятый день после рождения (или на восьмой, если это была девочка) следовало провести очистительные жертвы богам, после чего младенцу, наконец, давали имя. По такому случаю в дом приглашались ближайшие родственники и гости; новорожденному дарили особый амулет (буллу), защищавший от злых духов, и первые игрушки (глиняные фигурки зверей, повозочки, куклы и т. д.). Устраивалось и небольшое пиршество.

Забота о младенце возлагалась на его мать или рабыню-кормилицу. В зажиточных семьях мать редко заботилась о ребенке, и весь груз ответственности ложился исключительно на кормилицу, которая обычно опекала ребенка до семилетнего возраста. Она ежедневно купала младенца в ванночке, тесно пеленала в чистые пеленки, качала в колыбельке, кормила его, следила, чтобы он ничего себе не поранил, учила первым словам и, конечно, рассказывала сказки.

У римлян имелись божества, заведовавшие всеми действиями человека начиная с самого его рождения. Так, они верили, что «*Partula* — присутствует при первых родовых болях; *Lucina* — заведует самим рождением; *Diespiter* — дарует ребенку свет; *Vitumnus* — жизнь, *Sentinus* — чувства; *Vaticanus* или *Vagitanus* — открывает рот и производит первый крик новорожденного; *Levana* — поднимает его с земли и представляет отцу, который признает его своим; *Cinina* — охраняет колыбель; *Rumina* — приучает его сосать грудь, которую древние называли *ruma*; *Nundina* — богиня девятого дня — напоминает, что через девять дней после рождения мальчик, очистившись, получив имя и снабженный амулетами, которые должны оберегать его от дурного глаза, действительно вступает в жизнь; рядом с ней *Geneta*, *Mana* и феи (*Fata*) сулят ему счастливую судьбу. Ребенок растет. В течение некоторого времени кажется, что боги меньше занимаются им, предоставляют его исключительно на попечение кормилицы. Но вот его отняли от груди — тотчас являются новые божества, которые окружают ребенка: *Educa* и *Potina* учат его есть и пить; *Cuba* следует за ним, когда он переходит из колыбели на кровать. *Ossipaga* укрепляет его кости, а *Carna* — мускулы. Ему нечего бояться упасть, когда он станет ходить: *Statinus*, *Statilinus* и *Statina*

помогут ему держаться на ногах; *Abeona* и *Adeona* научат его идти вперед и возвращаться назад; *Iterduca* и *Domiduca* — ходить вне дома (выходить из дома и возвращаться в него. — М. Б.). Вместе с тем развивается и душа ребенка, и тоже при помощи разных божеств: *Farinus* — разверзает уста и помогает испускать первые звуки; *Fabulinus* — учит словам; *Locutius* — целым предложениям. Вслед затем появляются у ребенка разум, воля и чувства: разум вместе с *Mens*, *Mens bona*, богиней ума и в особенности здравого смысла, вместе с *Catius* — богом сметливости; *Consus* — богом мудрых решений; *Sentia* — богиней мудрых советов. Воля образуется при помощи *Volumnus*, *Volumna* или *Voleta*, которые, по-видимому, играют ту же роль, что и божества, способствующие принятию решений; *Stimula*, которая возбуждает и увлекает; *Peta* — заведующая первым внешним проявлением воли; *Agonius*, *Agenoria*, *Peragenor* — приводящие в исполнение задуманное действие; *Strenia* — возбуждающая мужество, необходимое для преодоления препятствий; *Pollentia* и *Valentia* — помогающие продолжать начатое дело; *Praestana* или *Praestitia* — закончить его. Чувства рождаются при помощи *Lubia* или *Lubentina* и *Liburnus* — божеств удовлетворения; *Volupia* — богини наслаждения; *Cluacina*, которая была, вероятно, божеством грубых страстей; *Venilia* — богини надежд, которые осуществляются, и противоположной ей *Paventia* — богини смущения и страхов»<sup>10</sup>.

Известно, что у маленького Горация была кормилица, и звали ее Пуллия (*Pullia*)<sup>11</sup>. Она трогательно заботилась о малыше и рассказывала ему волшебные сказки. Возможно, именно от нее будущий поэт впервые услышал о прожорливом чудище Ламии, которая крала по ночам маленьких детей и поедала их, о злобных лемурах, ночных призраках мертвецов, о чудесных деяниях знаменитых колдунов и магов<sup>12</sup>. Поэт Тибулл создал замечательный образ пожилой кормилицы:

...и ревниво старушка  
Пусть над тобою сидит стражем святой чистоты;  
Сказывать сказки начнет и, рядом светильник поставив,  
Пряжи долгую нить на веретенах сучить...<sup>13</sup>

Впоследствии к подрастающему мальчику приставляли также раба-«педагога», который опекал своего питомца, повсюду сопровождал его, учил хорошим манерам и нередко наказывал за непослушание.

Раннее детство Горация проходило, вероятно, на лоне природы, в сельском имении его отца, и мало чем отличалось от детства других детей из небогатых крестьянских семей. Уже с малых лет они приучались помогать родителям пасти скот, ухаживать за молодняком, очищать поля от камней, полоть сорняки, собирать урожай, таскать дрова из лесу<sup>14</sup>. Очевидно, у маленького Горация было много друзей среди окрестных мальчишек, ведь:

Мальчик, который едва говорить и ходить научился,  
Любит больше всего возиться среди одноклассников,  
То он смеется, то в плач, что ни час, то с новою блажью<sup>15</sup>.

<...>

Дай раздраженному мальчику яблоко: он не захочет.

«На, мой голубчик, возьми!» Не берет! Не давай: он попросит!<sup>16</sup>

Когда выдавалось свободное время, мальчишки полностью отдавались всевозможным детским забавам. Гораций упоминает в своих произведениях, что дети с удовольствием возились в песке, строили из него домики, скакали на палочках, изображавших лошадей, гоняли обручи, запрягали мышей в маленькие повозки, играли в чет и нечет, в орехи, в кости, в мяч, который перекидывали друг другу или бросали о стену<sup>17</sup>. Известны были маленьким римлянам игры в бабки, в орел или решку, в кубарь — небольшой деревянный конус, обычно из букса (самшита), который вращали на земле с помощью специального ремня. Играли также в войну, в суд, в магистратов, в гладиаторов, в цирковых возниц, в прятки, бегали взапуски. И, конечно же, мальчишки мучили животных: привязывали к хвостам домашних любимцев разные предметы, ловили и выращивали лягушат, держали птиц в клетках<sup>18</sup>. Позднее поэт вспоминал, как однажды, будучи ребенком, он так утомился от игры, что заснул в лесу — об этом случае уже было сказано:

То было в детстве: там, где у Вольтура  
Вдали от крова милой Апулии  
Я спал, игрою утомленный, —  
Голуби скрыли меня, как в сказке,

Листвою свежей. Диву давались все,  
Кто на высотах жил Ахеронтии,  
В лесистой Бантии, на тучных  
Нивах вокруг городка Форента,

Что невредимым спал я средь черных змей,  
Среди медведей, лавром священным скрыт  
И миртовых ветвей листвою,  
Отрок бесстрашный, храним богами<sup>19</sup>.

Повзрослев, мальчишки начинали проказничать. Так, например, если они хотели посмеяться над кем-либо, то старались потихоньку привязать своей жертве сзади хвост, а затем бегали следом и дразнились<sup>20</sup>, или же, чтобы намекнуть обидчику, что он сильно смахивает на осла, приставляли обе ладони к своим ушам и тихонько ими помахивали. Иногда сорванцы приклеивали мелкую монету к камням мостовой и со смехом наблюдали, как прохожие пытаются ее поднять<sup>21</sup>. Чересчур расшалившись, мальчишки могли всей толпой окружить бородатого человека и вцепиться в его бороду, несмотря на то, что он при этом надрывался от крика<sup>22</sup>. Сатирик Персий так писал о двуликом боге Янусе, недоступном для мальчишеских проказ:

Янус, ты счастлив! Тебе трещать за спиною не станут  
Аистом, длинных ушей не сделают ловкой рукою  
И не покажут язык, как у пса с пересохшею глоткой!<sup>23</sup>

Обучение мальчиков обычно начиналось с семилетнего возраста. Начальные школы имелись в каждом, даже самом захолустном, итальянском городке, и учились в них дети из небогатых городских или крестьянских семей. Такие школы были исключительно частными заведениями, и открывали их обычно образованные бедняки (вольноотпущенники, бывшие солдаты, разорившиеся крестьяне и ремесленники) по своему желанию, без какой-либо регламентации и надзора со стороны государства. Античность не знала дипломов об образовании и судила о людях по наличию подлинных знаний.

Школы располагались, как правило, в снятых внаем, тесных и неудобных помещениях, а иногда и просто на улице, под портиками городского форума, отгородившись от улицы лишь грубой занавеской. Обстановка была очень скудная: массивный стул учителя, скамьи учеников. Столов не было, так как ученики, сидя на скамьях, обычно держали письменные принадлежности у себя на коленях.

Дети собирались в школу еще до рассвета. Обувшись, умывшись и одевшись, собрав письменные принадлежности (они хранились в специальной деревянной цилиндрической коробке — *capsa*) и захватив с собой завтрак, они

отправлялись в школу в сопровождении воспитателей-педагогов. Функции таких воспитателей обычно выполняли образованные домашние рабы. Они не только провожали своих подопечных в школу и несли их письменные принадлежности, но иногда сидели вместе с ними в классе, а также сопровождали их домой, зорко следя, чтобы те не шалили.

Занятия начинались с восходом солнца и длились почти до вечера, с перерывом в полдень, когда ученики уходили домой перекусить. Впрочем, иногда по пути в школу они покупали сдобные лепешки<sup>24</sup>. Каникулы продолжались с 13 июня по 15 октября, то есть от июньских до октябрьских ид; по праздникам школы тоже не работали.

Перед учителем стояла непростая задача научить детей чтению, письму и счету. Сначала ученики на слух заучивали алфавит, повторяя хором за учителем названия букв, и только после этого начинали изучать сами изображения букв, а затем слоги и слова<sup>25</sup>. Писать учились следующим образом: сперва выводили буквы и слова острыми стилами (костяными или железными палочками с острой и тупой сторонами) на покрытых тонким слоем воска деревянных дощечках-табличках, которые держали на коленях. Если ученик совершал ошибку, то он мог легко затереть ее тупой стороной стила. Только освоив этот процесс, дети затем приучались использовать для письма куски папируса, на которых с помощью очиненной тростинки и чернил писали слова. Распространенной практикой был диктант. Постигнув в некоторой степени грамоту, ученики начинали знакомиться с длинными текстами, которые читать было совсем непросто, так как слова писались слитно, непрерывной строкой, без знаков препинания. Большое место уделяли в начальной школе и арифметике. Дети должны были хорошо научиться считать в уме; также для счета использовали собственные пальцы или счетную доску (абак), с помощью которой учились складывать и вычитать, умножать и делить. Гораций так писал об этом:

Ну, а у нас от ребяческих лет одно лишь в предмете:  
Медный асс на сотню частей разделять без остатка!  
«Сын Альбина, скажи: какая получится доля,  
Если отнять одну от пяти двенадцатых асса?» —  
«Треть!» — «Молодец! Не умрешь без гроша! А если прибавить?»  
«То половина!»...<sup>26</sup>

За малейшее неповиновение учеников били линейкой или палкой по рукам, пороли розгами или кожаной пле-

тью<sup>27</sup>. Поэт Марк Валерий Марциал едко высмеивает крики рассерженных учителей, раздававшиеся по утрам и ставшие притчей во языцех:

Что донимаешь ты нас, проклятый школьный учитель,  
Невыносимый для всех мальчиков, девочек всех?  
Ночи молчанья петух хохлатый еще не нарушил,  
Как раздаются уже брань и побои твои.  
Так наковальня гремит, когда с грохотом бронза куется,  
Если сажать на коня стряпчего станет кузнец.  
Тише неистовый шум в огромном амфитеатре,  
Коль победителя щит кликами встречен толпы.  
Часть хоть ночи проспаться нам дай, — умоляют соседи, —  
Ладно, коль будят пять раз, вовсе ж не спать тяжело.  
Учеников распусти! Не желаешь ли с нас, пустомеля,  
Сколько за ругань берешь, ты за молчание взять?<sup>28</sup>

Надо сказать, что плата за школьное обучение была довольно низкой, и учителя, имевшие мало учеников, часто владели полунищенское существование:

Кто же Келладу отдаст, Палемону ученому столько,  
Сколько их труд заслужил грамматика? А ведь из этой  
Мелочи (плата у них куда чем у риториков меньше!)  
Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый,  
И выдающий урежет себе. Палемон, уступи же,  
Платы убыток стерпи, подобно тому торгашу, что  
Продешевит простыни, одеяла дешевле уступит, —  
Лишь бы совсем не пропала работа твоя среди ночи,  
Труд спозаранку, когда не проснулись и мастеровые,  
Те, что шерсть начинают прясти кривыми гребнями;  
Только бы вонь от стольких лампад, сколько было мальчишек,  
Зря не пропала, когда по ночам казался Гораций  
Вовсе бесцветным и копотью весь покрывался Вергилий.  
А для полочки твоей ведь еще у трибунов дознание  
Нужно! Вот так и блюда суровой науки обычай,  
Ибо учителя долг — языком в совершенстве владея,  
Помнить историю всю, а авторов литературных  
Знать, как свои пять пальцев, всегда; и ежели спросят  
Хоть по дороге в купальню иль в баню, кто у Анхиза  
Мамкой была, как мачеху звать Анхемола, откуда  
Родом она, — скажи; да сколько лет было Ацесту,  
Сколько мехов сицилийских вин подарил он фригийцам.  
Пусть, мол, наставник оформит рукой еще мягкий характер,  
Лепит из воска лицо, как скульптор; пусть своей школе  
Будет отцом, чтоб питомцы его не шалили позорно,  
Не предавались порокам. Легко ль за руками мальчишек

Всех уследить, когда, наблудив, убегают глазами?  
Вот, мол, забота тебе. А кончится год, получай-ка,  
Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка<sup>29</sup>.

Мальчики из богатых семей, в отличие от других детей, получали начальное образование дома — для них нанимали или покупали хороших учителей. Уже с малых лет они знакомились с древними родовыми традициями; им рассказывали о великих деяниях предков, восковые маски которых хранились в специальном шкафу и были перед глазами каждый день. Часто сам отец показывал своим сыновьям, как ездить верхом, как обращаться с оружием, как пересечь реку вплавь; иногда даже лично учил читать, писать и считать.

Некоторые ученые считают, что и Гораций получил начальное образование дома, где чтению, письму и счету его учил отец или домашний раб. Однако, поскольку источники об этом молчат, можно предположить, что будущий поэт все же обучался в одной из начальных школ Венузии.

Образование детей бедняков продолжалось около пяти лет и ограничивалось лишь начальной школой. Дети из богатых семей, напротив, продолжали учиться дальше и в 12—13 лет поступали в специальные грамматические школы, которые содержали люди более образованные, чем учителя начальных школ. Здесь подростки оттачивали свои знания латинского и греческого языков (например, учились правильно строить фразы), читали, разбирали и толковали поэтические и прозаические сочинения прославленных греческих и латинских писателей, учились анализировать особенности их языка и стиля, писали сочинения на заданные темы. Прежде всего, изучали Гомера, а также Гесиода, Еврипида, Менандра, Эзопа, Энния, Невия, Плавта, Пакувия, Теренция и, конечно же, Ливия Андроника, переведшего на латинский язык «Одиссею».

В Венузии имелась грамматическая школа учителя Флавия, где учились «сыновья благородные центурионов», то есть сыновья римских ветеранов, составлявших местную элиту этого городка. Однако отец Горация не захотел, чтобы его сын учился у Флавия, понимая, очевидно, что скромная провинциальная школа мало что сможет дать его отпрыску. В итоге, когда Горацию исполнилось 11—12 лет, отец отправился вместе с ним в Рим.

Римская столица располагалась в области Лаций на берегу реки Тибр на семи небольших холмах: Капитолий, Па-

латин, Квиринал, Виминал, Эсквилин, Целий, Авентин. На противоположном берегу Тибра высятся холмы Яникул и Ватикан, ныне находящиеся на территории города. На Капитолийском холме помещались крепость и большая площадь, на которой возвышались самые известные и почитаемые римские святилища — храмы Юпитера Сильнейшего Величайшего (Капитолийского), Юпитера Феретрия, Верности, Чести и Мужества и другие.

Именно на холмах, где воздух был чище и шума было меньше, жили в своих роскошных дворцах богачи и аристократы. Между холмами, в сырых низинах располагались жилые дома простых людей, а также форум, Коровий рынок, Большой цирк и основные торговые улицы. Форум был центром общественной и политической жизни Рима. Здесь находились храмы Сатурна, Согласия, Кастора и Поллукса, несколько базилик, где заседали судьи и размещались торговцы, курия для собраний сенаторов, специальная трибуна для ораторов (ростры), Мамертинская тюрьма, источник Ютурны, множество статуй различных исторических деятелей.

К форуму примыкали главные городские улицы, известные своими торговыми лавками и ремесленными мастерскими. Это, прежде всего, Священная дорога, на которой торговали золотыми украшениями, драгоценными камнями, цветами и фруктами; Аргилет, где в книжных лавках можно было купить произведения известнейших писателей; Субура, где продавали всевозможные продукты питания, ткани, одежду, обувь, притирания и туалетные принадлежности; Этрусская улица, славившаяся своими парфюмерными лавочками, дорогими тканями и роскошной одеждой. Последняя вела к Велабру и Коровьему рынку — двум самым известным римским рынкам. Велабр поражал разнообразием предлагаемых вин, масел, сыров, рыбы, мяса и прочей снеди, а на Коровьем рынке некогда шла бойкая торговля скотом.

Рим в середине I века до н. э. был уже весьма тесным и шумным городом. В центре, на форуме и на основных торговых улицах постоянно кипело и клочкотало людское море. И это неудивительно: ведь в столицу в поисках лучшей доли стекались люди со всех концов обширного Римского государства. Философ Сенека так писал об этом: «Но взгляни, прошу, на это скопление людей, едва способное уместиться под крышами бескрайнего города. Огромная часть наблюдаемых тобой толпищ лишила себя родины. Они явились из

своих городков, с дальних окраин, сбежались со всего белого света. Одни приехали делать карьеру, других привели дела по должности, третьим поручено посольство, кого-то избалованное сластолюбие заставляет искать мест обильных легко доступным пороком; тот мечтает приобщиться свободных наук, а этот ищет зрелищ, тех вынуждает прибыть сюда дружба, этих — предприимчивость, имеющая самые широкие возможности реализоваться; иные привезли на продажу свою красоту, а иные — красноречие. Нет таких разновидностей человека, которых не собрала бы столица, обещая великие награды и порокам, и добродетелям»<sup>30</sup>.

Улицы Рима, за редким исключением, были кривыми и узкими, на них с трудом могли разъехаться две повозки. Самая большая ширина, зафиксированная археологами, не превышала семи-восьми метров. Вот как описывал сатирик Ювенал уличное столпотворение в столице:

...а нам, спешащим, мешает  
Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою  
Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой  
Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;  
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы  
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора.  
Видишь дым коромыслом? — Справляют в складчину ужин:  
Сотня гостей, и каждый из них с своей собственной кухней;  
Сам Корбулон не снесет так много огромных сосудов,  
Столько вещей, как тот маленький раб, прямой весь, бедняга,  
Тащит, взяв на макушку, огонь на ходу раздувая.  
Туники рвутся, едва зачиненные; елку шатает  
С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;  
Длинных деревьев шатанье с высот угрожает народу.  
Если сломается ось, что везет лигурийские камни,  
И над толпой разгрузит эту гору, ее опрокинув, —  
Что останется от тел? кто члены и кости отыщет?»<sup>31</sup>

Днем Рим переполняли гомон толпы, ругань, шум из ремесленных мастерских, вопли детей, крики многочисленных торговцев, зазывающих клиентов в свои лавки, разносчиков и цирюльников<sup>32</sup>. Не было покоя и ночью: громыхали по уличным мостовым многочисленные телеги, везущие различные товары и продукты, поскольку по закону Цезаря от 45 года до н. э. днем им был запрещен въезд на территорию города (для ввоза строительных материалов при постройке общественных зданий и вывоза мусора было сделано исключение). Кричали бурлаки на Тибре, тянувшие баржи с зерном, и грузчики, разгружавшие суда в

гавани<sup>33</sup>. Позднее поэт Марциал жаловался, что ему даже приходится на ночь уезжать из Рима в пригородное имение, чтобы выспаться:

Зачем, ты хочешь знать, в сухой Номент часто  
На дачу я спешу под скромный кров Ларов?  
Да ни подумать, Спарс, ни отдохнуть места  
Для бедных в Риме нет: кричит всегда утром  
Учитель школьный там, а ввечеру — пекарь;  
Там день-деньской всё молотком стучит медник;  
Меняла с кучей здесь Нероновых денег  
О грязный стол гремит монетой со скуки,  
А там еще ковач испанского злата  
Блестящим молоточком стертый бьет камень.  
Не смолкнет ни жрецов Беллоны крик дикий,  
Ни морехода с перевязанным телом,  
Ни иудея, что уж с детства стал клянчить,  
Ни спичек продавца с больным глазом.  
Чтоб перечислить, что мешает спать сладко,  
Скажи-ка, сколько рук по меди бьют в Риме,  
Когда колхидской ведьмой затемнен месяц?  
Тебе же, Спарс, совсем и невдомек это,  
Когда ты нежишься в Петильевом царстве  
И на вершины гор глядит твой дом сверху,  
Когда деревня — в Риме, винодел — римский,  
Когда с Фалерном винограда сбор спорит,  
А по усадьбе ты на лошадях едешь,  
Где сон глубок, а голоса и свет солнца  
Покой нарушить могут, лишь когда хочешь.  
А нас толпы прохожих смех всегда будит,  
И в изголовье Рим стоит. И вот с горя  
В изнеможенье я на дачу спать езжу<sup>34</sup>.

Ночью Рим страдал не только от шума, но и от бандитизма. Улицы города не освещались и, если на небе не было луны, погружались в непроглядную тьму. Люди крепко-накрепко запирались в своих домах и лавках и старались без серьезной надобности не показываться на улицах. Если все же нужно было выйти, то богачи обычно передвигались по ночному городу в сопровождении многочисленных вооруженных рабов с факелами, а беднякам оставалось лишь уповать на удачу при встречах с грабителями или убийцами. Вот что писал об этом Ювенал:

Много других по ночам опасностей разнообразных:  
Как далеко до вершины крыш, — а с них черепица  
Бьет тебя по голове! Как часто из окон открытых

Вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь,  
Всю мостовую сорят. Всегда оставляй завещанье,  
Идя на пир, коль ты не ленив и случайность предвидишь:  
Ночью столько смертей грозит прохожему, сколько  
Есть на твоём пути отворенных окон неспящих;  
Ты пожелай и мольбу принеси униженную, дабы  
Был чрез окно ты облит из горшка ночного большого.  
Пьяный иной нахал, никого не избивший случайно,  
Ночью казнится — не спит, как Пелид, скорбящий о друге;  
То прикорнет он ничком, то на спину он извернется...  
Как по-иному он мог бы заснуть? Бывают задиры,  
Что лишь поссорившись спят; но хоть он по годам и строптивый,  
И подогрет вином, — опасается алой накидки,  
Свиты богатых людей всегда сторонится невольно,  
Встретив факелов строй да бронзовую канделябру.  
Мне же обычно луна освещает мой путь иль мерцанье  
Жалкой светильни, которой фитиль я верчу, оправляю.  
Я для буяна — ничто. Ты знаешь преддверие ссоры  
(«Ссора», когда тебя бьют, а ты принимаешь удары!):  
Он остановится, скажет «стой!» — и слушаться надо;  
Что тебе делать, раз в бешенстве он и гораздо сильнее?  
«Ты откуда, — кричит, — на каких бобах ты раздулся?  
Укус где пил, среди чьих сапогов нажрался ты луку  
Вместе с вареной бараньей губой? Чего же молчишь ты?  
Ну, говори! А не то как пну тебя: все мне расскажешь!  
Где ты торчишь? В какой мне искать тебя синагоге?»  
Пробуешь ты отвечать или молча в сторонку отлынешь, —  
Так или этак, тебя прибьют, а после со злости  
Тяжбу затеют еще. Такова бедняков уж свобода:  
Битый, он просит сам, в синяках весь, он умоляет,  
Зубы хоть целы пока, отпустить его восвоеси.  
Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди,  
Грابتить готовые в час, когда заперты двери и тихо  
В лавках, закрытых на цепь и замкнутых крепким засовом.  
Вдруг иной раз бандит поножовщину в Риме устроит —  
Беглый с Понтинских болот, из сосновых лесов галлинарских,  
Где, безопасность блюдя, охрану военную ставят;  
Вот и бегут они в Рим, как будто бы на живодерню...<sup>35</sup>

Не обходили стороной Рим и болезни. Ежегодный пик смертности в городе приходился на август и сентябрь<sup>36</sup>. Именно в это время вспыхивали опустошительные эпидемии туберкулеза и малярии (в форме опаснейшей трехдневной лихорадки), уносившие каждый год сотни жизней римлян.

В Риме отец устроил юного Горация в известную грамматическую школу Орбилия, где учились дети сенаторов

и всадников, и не пожалел денег, чтобы его сын выглядел прилично:

К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,  
В школу, куда сыновья благородные центурионов,  
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,  
Шли, и в платежные дни восемь медяками звенели.  
Нет, решил он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он  
Тем же учился наукам, которым сенатор и всадник  
Каждый своих обучают детей. Среде толпы приметив  
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,  
Что расход на меня мне в наследство оставили предки<sup>37</sup>.

Грамматик Орбилий, учитель Горация, родился в конце II века до н. э. в городе Беневенте (современный Беневенто). По словам Светония, «Луций Орбилий Пупилл из Беневента, осиротевший, когда козни врагов в один день погубили обоих его родителей, на первых порах был мелким чиновником при магистратах, затем в Македонии дослужился до корникула (младшая командная должность вроде сержанта. — М. Б.), а потом и до всаднического звания. По окончании военной службы он вернулся к занятиям, к которым питал немалую склонность еще в детстве; долгое время преподавал на родине, и лишь на пятидесятом году, в консульство Цицерона, переехал в Рим. Преподаванием своим он добился скорее славы, нежели выгоды, судя по тому, что уже глубоким стариком он пишет в одном сочинении, что живет в нищете под самой крышей. Издал он также книгу под заглавием “Страдание”, в которой жалуется на обиды, доставляемые учителям пренебрежением и надменностью родителей. Нрава он был сурового, и не только по отношению к соперникам-ученым, которых он поносил при каждом случае, а и по отношению к ученикам: о том свидетельствует и Гораций, называя его “драчливым”<sup>38</sup>, и Домиций Марс, когда пишет: “Те, которых Орбилий бивал и линейкой, и плеткой”. Даже выдающихся людей не оставлял он в покое: когда он, еще находясь в неизвестности, давал показания в многолюдном суде, и Варрон Мурена, адвокат противной стороны, спросил его, чем он занимается и каким ремеслом живет, то он ответил: “Переношу горбатых от солнца в тень”, — потому что Мурена был горбат. Жил он почти до ста лет, а перед смертью потерял память, как показывает стих Бибакула: “А где Орбилий, позабывший азбуку?” В Беневенте на капитолии, с левой стороны, показывают мраморную статую, которая изображает его

сидящим, в греческом плаще, с двумя книжными ларцами рядом. Он оставил сына Орбилия, который также преподавал грамматику»<sup>39</sup>. Два книжных ларца у ног прославленного грамматика означали, что он преподавал не только латынь, но и греческий, который в Риме был в то время вторым разговорным языком.

Орбилий придерживался старых традиций и изучение поэтов в своей школе начинал с Гомера. Уже будучи в зрелом возрасте, Гораций так писал о «песнях Ливия» — латинском переводе «Одиссеи», выполненном неуклюжим «сатурнийским» стихом старым римским поэтом Луцием Ливием Андроником, что он некогда изучал в школе:

Я не преследую, знай, истребить не считаю я нужным  
Ливия песни, что, помню, драчливый Орбилий когда-то,  
Мальчику, мне диктовал. Но как безупречными могут,  
Чудными, даже почти совершенством считать их, — дивлюсь я.  
Если же в них промелькнет случайно красивое слово,  
Если один иль другой отыщется стих благозвучный, —  
Всю он поэму ведет, повышает ей цену бесправно<sup>40</sup>.

Годы учебы у Орбилия не прошли даром, и Гораций до самой старости наизусть помнил стихи из поэм Гомера, о чем свидетельствуют многие его произведения. Помимо Гомера, будущий поэт еще в юности познакомился с творчеством многочисленных греческих и римских писателей и, очевидно, со временем стал считаться очень начитанным человеком. Подробнейший филологический анализ стихотворений Горация позволил ученым установить, что он прекрасно знал произведения греческих поэтов — Сапфо, Алкея, Архилоха, Анакреонта, Тиртея, Мимнерма, Стесихора, Симонида, Пиндара, Каллимаха и Аполлония Родосского, философов — Пифагора, Платона, Аристиппа, Эмпедокла, Демокрита, Эпикура, Филодема, Эзопа и Биона Борисфенита, драматургов — Евполида, Кратина, Аристофана, Менандра, Эпихарма, Феспиды, Эсхила, Софокла и Еврипида, а также римских поэтов — Ливия Андроника, Энния, Невия, Луцилия, Лукреция, Катулла, Кальва, Варрона Атацинского и Марка Фурия Бибакула, философов — Катона Цензора и Плотия Криспина, драматургов — Плавта, Теренция, Цецилия Стация, Луция Афрания, Тита Квинция Атту, Пакувия, Акция и Лаберия<sup>41</sup>. Неслучайно сам поэт в своих произведениях постоянно пишет о пользе чтения и изображает себя читающим книги<sup>42</sup>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)